

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я люблю мой маленький городок с таким сказочным названием — Медвежий. Как будто водят тут хоро- воды милые мишки и совсем не встречаются жестокие голодные шатуны, которые выходят из тайги и зади- рают человека или корову.

А зря. Ой зря!

Не видят глупые люди сверкающие из кустов голод- ные безжалостные глаза. Люди, которые посеяли грех, а взамен ждут радость.

Не радость пожнете вы, а смерть.

Наш город обречен на смерть, он погряз во грехе. Не спасти его лаской. Не спасти уговорами. Господь уже послал сюда Иону-пророка, и есть только один шанс спастись: покаяние и полный отказ от блуда, разбоя и убийств. Иначе исцелять этот город будут огонь и нож.

Если взлететь над нашим городом, как птица небес- ная, и оглядеть его через облака, станет видно, что город этот суть крест. Две большие дороги — две федеральные трассы рассекли его, и рана эта наполнилась гноем. Как вышло, что здесь, в центре Сибири, среди чистоты, ти- шины и благости, созрел такой мерзкий чирей? Люди здесь стали слабы, они теперь лишь тени великих старцев, свя- тых иноков, которые скрывались в этих лесах от ересей и, умерщвляя плоть свою, возрождали дух на борьбу с пороком.

А сейчас в этих лесах скрываются бандиты и душегубы, контрабандисты, браконьеры и грабители. Совершив свое нечистое дело, они смеют разгуливать по улицам среди бела дня, сорить кровавыми деньгами, смотреть алчными глазами вокруг, на то, что еще не успели осквернить, сожрать, отобрать, изнасиловать.

За закрытыми дверями дорогих квартир предаются они мерзейшему блуду с детьми, а потом хвастливо вываливают заразу в интернет, заражая блудливым ядом слабые души. Не боятся они выходить на свет, без боязни проходят мимо куполов церкви, ослепленные, думают, что останутся без наказания. Напрасно.

Уже занесена длань Его. Уже осудил Господь всякую нечистую и греховную плоть на огонь и меч. Уже приготовлены му́ка и лютая смерть для тех, кто отравляет воздух нечистым дыханием мерзости. Но чья рука свершит эту кару? Кто прижжет раскаленным клинком гноящиеся раны нашего города?

Господь говорил с пророком Илией. Господь дал ему знак всесожжения и вложил в его руки меч, чтобы покарать четыреста пятьдесят нечестивых пророков Вааловых. И рука Илии не дрогнула. Не дрогнет и моя рука.

Наш мэр дал городу последний шанс: он вызвал сюда свежую кровь — начальника уголовного розыска, начальника новостной службы управления информации и настоятеля монастыря взамен почившего отца Ионы.

Но нельзя вливать новое вино в старые мехи. Сначала надо заменить их.

Прежде надо пролить старую кровь, чтобы прижилась новая.

ГЛАВА 1

За две недели до описываемых событий

Уральский город окрасился в цвета осени. Но были они не радостно-спокойные вроде золотых или алых, а серо-грязные, покрытые пылью и смогом из труб, дымивших с утра до вечера.

Утро было стылым, по окнам застекленной лоджии дробно стучал мелкий дождик. Майор милиции Святослав Соколов, старший оперуполномоченный уголовного розыска, курил, крепко зажав сигарету зубами, и смотрел на остановившуюся стройку серой высотки, закрытую голыми ветвями высоких тополей.

Неважно чувствовал себя майор. Последние полгода охотился он за организованным преступным сообществом «Шишкинские». С каждым днем становилось очевиднее, что слишком крепко и далеко распустило оно свои щупальца, и стали ему сначала делать намеки и товарищи, и начальство, а потом уже ставить препоны и просить, и требовать закрыть дело. Пугали и грозили, а он все упрямо сопротивлялся, арестовывая преступников одного за другим. А на прошлой неделе парни с отдела передали по дружбе агентурную информацию, что-де

нанят профессиональный киллер, чтобы прострелить его излишне холодные мозги и чрезмерно горячее сердце.

А горячее сердце майора жало и томило, словно кто-то сжимал его крепкой рукой, и в холодные мозги все чаще закрадывалась мысль, недостойная офицера: зачем все это? Да еще ко всему прочему, звонил бывший шеф, который теперь поднялся до начальника криминальной милиции Восточно-Сибирского автономного округа, приглашал бросить к чертовой матери все эти интриги и поехать в небольшой городок на подполковничью должность замначальника милиции со скорым повышением, когда прежний начальник уйдет на пенсию.

«Ничего, — думал Соколов, — так просто не сдамся. Вот закрою этого Шишкина, Петра Алоева и Вову Карабина, тогда и поглядим. Может, и правда в Сибирь? Может, и правда лучше быть первым в деревне, чем сотым в Риме? Хотя и так ясно, что задумали ребята перевод этот, чтобы убереечь меня от пули киллера. А я не поеду. Пока всех бандитов не пересажаю. Да и не хочу я. Вырос уже из детского возраста, чтобы от бандитов по тайге прятаться».

Усталое осеннее солнце слепило майора, он жмурился, с хрустом расправляя плечи. Сердце и правда ныло, и голова стала болеть чаще, чем раньше. Это от сидячего образа жизни — остеохондроз и все прочее. Надо поплавать в динамовском бассейне или железо потягать, и пройдет спина, а за ней и сердце.

А потом звонил Вадим, решивший стать писателем, зачем-то взявший псевдоним Нелюбимов, вспоминал про молодость, школу милиции, командировку в Чечню. И тоже приглашал в Сибирь, в тайгу, в монастырь — привести в порядок мысли.

Жаль, что Соколов не видел, что на самом деле пускало блики на верхних этажах строящейся высотки. Среди груд кирпича, расстелив пустые бумажные мешки из-под цемента, лежал строитель в грязной темно-зеленой униформе с невыразительным лицом. В руках у него была снайперская винтовка, обмотанная для маскировки серой тряпкой, на шее — легкий цифровой бинокль, на руках — одноразовые перчатки. К стене прислонена совковая лопата. У киллера — сальные черные волосы, щетина с проседью. Он шевелил губами, припав к оптическому прицелу, — молился.

Соколов вытащил изо рта изжеванную сигарету и вышелкнул ее на дворик, покрытый строительным мусором.

Киллер закусил губу и, медленно вытягивая ее из-под желтых зубов, плавно нажал на спусковой крючок. Звук выстрела, негромкий, как от осторожно открываемого шампанского, никто не услышал, только с соседнего кирпича вспорхнул потревоженный воробей. Еще один выстрел. Напряженное лицо расслабилось.

Киллер встал, пинком столкнул вниз, в кучу керамзита, винтовку, сунул в карманы перчатки. Закинул на плечо лопату и неторопливо поплелся прочь, сутулясь и глядя под ноги.

Святослав Соколов лежал на полу квартиры, залитый кровью и засыпанный осколками стекла — падая, он выбил спиной стекло балконной двери.

Из трубки все еще слышался голос собеседника:

— Святослав? Что молчишь-то, а? Что там у тебя? Але!..

ГЛАВА 2

За неделю до описываемых событий

Горы вздымались над каменной оградой монастыря сизыми великанами. Солнце еще не взошло, но уже щедро обрызгало золотом снежные вершины и черный, утопанный ногами монахов двор. Шумели неподалеку деревья, птицы заходились сладкими трелями. И казалось, вот он — рай земной. Прямо здесь. Доступный любому смертному.

Дышалось легко и привольно. Холодный, чистый, как слеза, воздух вливался в легкие свежестью и бодростью. В таком святом месте только жить и жить. Красота. Чистота. Свобода. От всякого греха и скверны.

Светло-серые глаза окинули взглядом бескрайний небосвод и сверкнули льдистым алмазом. «Эх, остаться бы здесь на веки вечные», — подумал про себя отец Роман. Он шел через двор, впечатывая в твердую землю свои огромные, обутые в грубые сапоги ноги. Широченная спина, в плечах — косяя сажень, силушки богатырской — невпроворот. Многие, встречая его впервые, вздрагивали от испуга. А потом дивились, что такой гигант выбрал путь

монашества и видит применение своей недюжинной силы исключительно в служении Господу. Только что они понимают? Служение — это совсем не «молитвы бубнить да свечки жечь», как говаривал один старый знакомец Романа из маленького монастыря с Кавказских гор.

Монах шумно втянул утренний воздух и снова глянул за ограду — на сверкающие шапки снега, на темно-зеленое море листьев, на золото солнечных лучей, текущее по лазоревому небу. Так вот посмотришь на все это великолепие, раскинувшееся куда взгляда хватает, да и подумаешь невзначай: а что, если жить по заветам, то и Сам Господь снизойдет в пределы сии. А почему нет? Примерно таким и представляется Царство Божие рабам Его.

Отец Роман насмешливо крикнул и перехватил поудобнее зажатые под мышками бревна. Мышцы взбугрились так, что стали заметны даже под свободно скроенной рясой. Сейчас не до умильных картин и возвышенных размышлений. Работы по горло, а время поджидает.

Тяжело ступая, великан направился к сложенному под навесом объемистому штабелю таких же, как у него, бревен. Однако на половине пути его перехватил настоятель монастыря. Отец Димитрий был высокий, но худой и узкоплечий и смотрелся рядом с Романом шуплым стариком. Настоятель держал в руке папку с документами, а глаза смотрели с каким-то извиняющимся выражением.

— Доброго здоровья, отец Роман, — начал настоятель деловито (за этой деловитостью угадывалась

какая-то нервозность). — Мне тут звонили насчет тебя. Из Патриархии.

— Да я знаю уже.

Роман кивнул и пошел дальше — до штабеля оставалось всего шагов десять.

Между тем настоятеля будто током ударило. Услышав ответ, он вздрогнул и выронил папку. Быстро поднял ее и, хлопая глазами, поспешил вслед за великаном.

— Отец Роман! — в полнейшей растерянности воскликнул отец Димитрий. — Так ты говорить можешь? Выходит дело, ты не немой? А обет молчания принял!

— Выходит, так.

Настоятель помолчал, глядя, как монах укладывает бревна. Видно, что ему надо было привести в порядок сбившиеся от внезапного открытия мысли. Потом кивнул и снова заговорил, но теперь уже спокойнее:

— Знаешь, что отец Иона преставился? И что тебя приглашают настоятелем монастыря в Сибирь?

— Знаю.

— Угу... Так ты собрался? Скоро уж, обещали, приедут за тобой.

Роман отряхнул руки от налипших щепок и кусочков коры, кивнул:

— Успею еще бревна натаскать. Да у меня и нет ничего. Бушлат возьму, и все.

Отец Димитрий покивал, что-то обдумывая, потом спросил:

— Не жалко? Уезжать-то вот так? Людей бросаешь. Они ведь тебя любят.

Широкие плечи Романа чуть дернулись вверх-вниз. Он глянул в сторону гор, над которыми уже поднялся пылающий диск солнца, сощурился и негромко ответил:

— Там я нужнее.

ГЛАВА 3

В кафе царил полумрак. Из колонок, развешанных под потолком, доносилась легкая танцевальная музыка. За несколькими столиками возле окон обедали менеджеры — труженики близлежащих контор. У барной стойки, листая помятый «Космополитен», скучала официантка. Бармен усердно тер кофе-машину, стаканы и пивные краны.

«Видимо, ему так в кино показали», — подумал с раздражением Иван и отхлебнул кофе из миниатюрной чашки. Тот оказался на удивление крепким и ароматным, однако дурного предчувствия яркий кофейный вкус притупить не смог.

Иван Миронов был в журналистике далеко не новичок. За все годы бурной профессиональной деятельности чутье его не подводило ни разу. Лазу натренированный нюх улавливал эффективнее, чем электронный градусник температуру. Вот и сегодня после звонка главного редактора чуйка подавала тревожные сигналы по полной.

И снова в точку!

Встреча назначена не в редакции, а в кофейне у черта на куличках. Разговор начался из такого далека и с такими реверансами, что тут и бревно бы забе-

спокоилось. А уж когда в ход пошли оправдания и завуалированные извинения...

Иван поправил свои длинные русые волосы, стараясь скрыть нервозность, и сделал еще один глоток. Да, кофе отменный. И на том спасибо.

Редактор между тем продолжал, доверительно перегнувшись через стол:

— Старик, пойми, ты бы сам на моем месте поступил так же. И вообще, скажи спасибо, что ты жив, что тебе тупо чердак не продырявили. Ты... вообще полез не туда, куда надо.

Подобную ерунду Ивану рассказывали уже не в первый раз. И всегда создавалось впечатление, что у всех «доброжелателей» одна и та же шпаргалка, на которой написано, как именно нужно отмазываться. Не, ну серьезно! Хоть бы кто-нибудь что-нибудь новенькое придумал. Но на нет, как говорится, и суда нет. Мы тоже включим старую шарманку.

Миронов, копируя собеседника, наклонился над столиком и зашипел:

— Но я же журналист! Я... ну, ты же сам понимаешь, что это — отличный материал. Это вообще на премию тянет. Да и не в премии дело. Это же все знают. Кто-то должен был сказать!

— Понимаю, конечно. Но не в то время и не в том месте... И не в той стране.

Редактор поджал губы и полез шуршать распечатками. Он пробежал глазами несколько абзацев, выделенных ярко-розовым маркером, и замотал головой, будто китайский болванчик:

— Нет, Вань. Ты вообще. Ну, смело, очень смело, но... зря.

Снова зашуршали листы распечатки, однако Миронов уже понял, что ничего не выгорит. Материал зарубят.

Редактор попытался доказать, что не просто так носит свой дорогуший костюм, и сделал максимальное количество реверансов:

— Ваня, ты реально хороший специалист, и круто вы с Володей все отсняли. Текст. Все хорошо...

— Но...

— Но не на нашем канале. Я вообще должен был пожертвовать тобой ради канала.

— Но мы же договаривались!

— Да, но ситуация поменялась. Канал — это же люди. Нас много: семьи, дети. А ты один. Пойми правильно.

Иван не удивился бы, если бы после этого проникновенного придыхания, с которым главред произнес последнюю фразу, он бы еще и «накрыл своей теплой ладонью ладонь отвергнутого им творца»...

Миронов проглотил остатки кофе, чтобы скрыть бешенство, мысленно сосчитал до пяти и кивнул:

— Понимаю.

Но разговор, как ни странно, был еще не закончен. Главный окинул взглядом кафе, поправил галстук и наклонился к собеседнику еще ближе:

— И... Вань, я тебе как другу скажу: тебе вообще лучше из города уехать. Только никому, ладно, что это я тебе сказал? Родителей не тронут, а вот тебе хулиганы в подъезде могут арматурой голову проло-